

MINI.CITID

ВЕЧНО ЮНЫЙ ДАУТАЛИ

ПРОРОЧЕСТВО

Осень 1972 года. Перед началом первого для нас учебного года в КазГУ состоялся большой вечер поэзии. Огромная аудитория заполнена до отказа, мы сидим, жмемся друг к другу, как кильки в бочке. Молнией в грозное лето сверкает громогласный Жараскан, страстный Кеншилик, пушкиноподобный Шомишбай, раскачивающийся как верблюжонок Несипбек, голубоглазый Копен, едва приехав в город, заскучавший по родному аулу Танабай, вольнозвучный Габиден... Один за другим они читают свои стихи. Узнаю всех: одних – по стихам в газетах и журналах, других – по книгам и фотографиям.

Все мое существо охвачено стихией поэзии. Удивительный по разнообразию звуков речестрой часто прерывается оглушительной тишиной. Затем ее взрывают восторженный гул и аплодисменты. Для меня все это впервые. Ведущий вечера – руководитель литературного объединения имени М. Ауэзова доцент Султангали Садырбаев. Он растягивает слова, как кожевник, вытягивающий очередной лоскуток сыромятной кожи:

– Следующим прочитает стихи Даутали Стамбеков, – объявил он манерно. Кто знает, подражает ли кому-то или такая манерность естественна для него?

На трибуну вышел хорошо сложенный, среднего роста, смуглый, со срезанными наискосок усами и большими круглыми глазами, парень. Хотя не знал его в лицо, но узнал сразу же.

– Недавно я ходил в редакцию поэзии издательства «Жазушы», дверь была заперта. Подергал за ручку, дверь не открывается. В немую дверь стучал-стучал, все тщетно. Никто не хочет запускать меня в поэзию. Да куда там запускать, даже не желают моего приближения. Что остается мне? Зря что ли пришел туда? Взял я железный лом и начал колотить по двери, пока не открыл ее. Захожу в редакцию поэзии, сидит на почетном месте Кадыр Мырзалиев, – сказал он не без намека. Публика грохнула со смеху, дружно зааплодировала. Я удивился его словам. – По-моему наблюдению поэзия развивается по двум направлениям. Гражданская лирика и любовная лирика. Основу гражданской лирики заложил Маяковский, а любовной – Есенин. Какой из них мы должны отдать предпочтение? На мой взгляд, если неожиданно развалится Советский Союз, то вместе с ней уйдет в небытие и Маяковский. Поэтому его путь – временный. А поэзия Есенина – вечна. Поскольку с развалом общества и

стройка не умирает природа, не умирает любовь. Значит и воспевающая ее поэзия никогда не умрет. Я выбираю второе направление, – заключил он и продолжил читать стихи. Публика затаила дыхание.

Не помню, какие стихи прочитал Даутали, вполне возможно, что мне было не до них. В ушах моих звучала фраза: «Если неожиданно развалится Советский Союз...». До сих пор перед глазами резко изменившееся лицо ведущего, весь вечер чувствовавшего себя солидным, вальяжным падишахом. Его приятное лицо вдруг как-то сникло. Он не только не успел прервать Даутали, но после его слов не смог прийти в себя, был выбит из колеи.

«Если неожиданно развалится Советский Союз...».

Не странно ли? Конечно, странно. Это было в 1972 году. Пик «развитого социализма». Время, когда одно напоминание о КГБ и цензуре наводило страх и ужас.

Еще в начальных классах учителя вбили в наши детские головы: «В восьмидесятые годы наступит коммунизм». Откуда нам было знать, что такое «коммунизм»? Один из взрослых на мой вопрос ответил: «Коммунизм – это рахатизм» («рахат» на русском – благодать). Как-то в журнале «Балдырган» на нескольких страницах дали фотографии детей, примерно моих сверстников. А над их изголовьем было написано: «Они будут жить при коммунизме!». Я им тогда очень завидовал. Мне казалось, что не смогу, как эти ребята, чьи изображения размещены на страницах журнала, присутствовать на великом празднике рахатизма. И потому я долго переживал и мучился. Слова Даутали были как отрезвляющий холодный душ. После его высказывания можно было поставить крест на все мои детские мечты.

«Если неожиданно развалится Советский Союз...». Эти слова после поэтического вечера стали предметом бурного обсуждения. «Поэты – сумасброды, а сумасброды что только не наговорят», – подытожил полемику Кеншилик. Однако где-то в уголке моей души поселилось сомнение: «А может прав Даутали?». Я не был уверен в том, что Советская власть развалится, однако показались здравыми мысли Даутали по поводу направлений поэзии.

«Если неожиданно развалится Советский Союз?!». Постепенно стал убеждаться в правоте Даутали. Однако жаль, что это произошло через столько лет.

Ровно через 12 лет после этого памятного вечера на Высших курсах Литинститута, прослушав лекции профессора Куницына о развале советской системы, я рассказал поэтам и писателям из сорока стран о пророчестве талантливого казахского поэта Даутали. Аудитория разделилась надвое. Одни говорили, что он прав, другие – нет. Нужно было ждать еще с десяток лет, чтобы убедиться в верности его предсказания.

Поэт Даутали Стамбеков собственными глазами увидел развал Советского Союза. После этого в обретенном независимость Казахстане прожил девять лет. Несмотря на слабое здоровье, написал бессмертную книгу «Мой ад и рай». Он за двадцать лет до подписания Беловежского соглашения засомневался в будущем советского строя, угробившего его здоровье. Это разве не предвидение?

Теперь посмотрите, воспетое Маяковским и его эпигонами общество давно приказало долго жить. Место того государства проросло травой забвения. Теперь мы воспеваем эту траву.

ЖАЖДА

Бежим мелкой рысью. Точнее – рыщем. Рыщем мы с тем же Даутали в поисках пива на одной из улиц Алматы. Но легко ли отыскать то, что ты хочешь. И там нет, и здесь нет. Заходишь, задыхаясь от бега трусцой, а пиво уже закончилось. И так в каждой очередной пивнушке.

Хотя уже за полдень, но июльская жара не слабеет: все вокруг кипит и горит. Что говорить о нас, если, истощая запах гари, под ногами плавится асфальт. Подвижный как детский родничок, он под нашей тяжестью продолжал прогибаться, тротуар плывет под ногами. Душно, невозможно дышать, горячая струя воздуха вот-вот расплавит аорту. Язык от жары не помещается во рту.

– Дауке, стой, попью газированную воду, – прошу измученным голосом.

– Нет, нельзя, лучше пососи курт, – вытаскивает из глубокого кармана брюк два курта, один из них тут же с удовольствием облизывая.

– Ойбай, он же соленый, еще больше захочется пить. Да будет проклято пиво. Лучше попьем воду из крана, пошли домой. Иначе умрем от жажды, – говорю я раздраженно, – Уже нервы сдают. Да и ноги устали...

– Еще немного потерпи. Человек должен достичь цели, только хорошо потрудившись. Если попадетсЯ хАлявное пиво, то оно не будет приятным ни на вкус, ни на цвет.

У Даутали своя философия горячительных напитков, в том числе о пиве. Не поспоришь, на все случаи есть у него аргументированные ответы. Поэтому он уверенно ведет меня за собой.

– У моего друга Саулебека Жамкенова есть пословицы и поговорки о пиве: «Пей пиво не залпом, а с карпом», «Птицы сбились в стаю – к перелету, собрались друзья – по пьяни к залету». Так он пытается ободрить меня шутками...

Я отвечаю ему взаимностью:

– Как у Оспанхана-ага: «Есть жажда одна. Она, наверное, исчезнет с бутылкой початой? Эй, похоже, нас все равно погубит жажда?». Эти слова приплюсуй к своим «пивным шедеврам», – я тщетно пытаюсь улыбнуться, нет сил. При настоящей жажде непослушным становится, оказывается, рот.

ЛЕГЕНДА О МАЛЬЧИКЕ И ЯЙЦАХ

Как-то Даутали пришел в кафе «Каламгер» с сыном, забрав его с вечернего детского сада. Мы – несколько молодых поэтов – сидели и травили байки.

– День длинный. Неинтересно рано заявляться домой. Решил с вами пообщаться, – сказал он. Так, пополнились наши ряды.

Через некоторое время соседний стол заняли Олжас Сулейменов и его друг Геннадий Толмачев.

– Ты узнаешь того дядю? – спросил Даутали у сына, беспечно пьющего вишневый сок.

– Олжас ага Сулейменов! – ответил мальчик сходу.

– А какие стихи Олжаса ага ты знаешь наизусть? – спросил отец, как тут же сынишка выдал:

«Эй, половецкий край!

Ты табунами славен...».

Звонкий голос мальчика приковал внимание окружающих. Олжас так же прекратил беседу и прислушался. По прочтению стихов мы заплодировали.

– Иди, поприветствуй Олжаса ага, – сказал Дауке. Сын было застеснялся, отец взял его за руку и подвел к поэту.

Олжас ласково:

– Как зовут, айналайын? Давай познакомимся. Меня зовут Олжас.

– Я – Расул! – ответил мальчик четким голосом. Олжеке, услышав имя сильно уважаемого им поэта Гамзатова из уст ребенка (Расул – одно из имен Аллаха), вздрогнул. Возможно, он просто сосредоточился, но мне так показалось.

После этой посиделки Даутали привычно пригласил меня к себе домой.

«Чем одиноко валяться в маленькой квартирке, лучше поехали к нам, пообщаемся за ароматным чаем твоей женге», – звал он привычно меня через день после работы. А жил он тогда в коттедже критика Кадырбека Уалиева в поселке Карасу. Если поедешь, то тяжело добираться обратно. Вынужден заночевать там. Поэтому, как правило, я постоянно отнекивался. Но на этот раз согласился, поскольку впереди были выходные дни.

Едва стемнело, мы, взяв за руки Расула, пересаживаясь с одного транспорта на другой, оказались, наконец-то, на железнодорожном вокзале Алматы-1. Тут мы пересели на карасуский автобус. Возможно, от дневной суеты или от нескольких кружек пива, нас сморило. И мы задремали. А проснулись от объявления: «Приехали в Карасу! Остановка «Карасу»! Карасу!». Мы еле успели выскочить из уже отъезжающего автобуса. Беспokoя своими бесконечными разговорами засыпающую улицу Карасу, мы зашли в дом Даутали. Обычно приветливая Фарида женгей встретила нас на этот раз странно. И приветствие ее насторожило меня. Решив, что она думает обо мне: «откуда он опять взялся?», – я почувствовал неловкость. Она внимательно осмотрела нас с ног до головы:

– Даутали, а где же ребенок? Что не забрал Расула из детского сада? – спросила она. Даутали посмотрел на меня, я на него растерянно.

– Да взял я его из садика. Только недавно был же он рядом? – растерянно озираясь, Даутали описывал круги по прихожей, то и дело нервно поглаживая себя.

– Что вы говорите?! Где ребенок?! Куда он пропал?! – резко выкрикнула женгей.

«Да где же мальчик наш?» – лихорадочно думал я.

Только сейчас вспомнили, что ребенка оставили в автобусе. Он сидел рядышком с Даутали. Мы тут же не выскочили, вылетели из дома. Из всех сил бежим к дальней автобусной остановке. И реактивный самолет, наверное, не летает так быстро.

– Как мы могли забыть, – спрашиваю я, тяжело дыша на бегу ...

– Этот автобус будет возвращаться из Николаевки. Конечная остановка там. Нужно поймать автобус на его обратном пути, – говорит Даутали, тоже задыхаясь ...

Полночь. Последние маршрутки возвращаются в автопарк. Увидев автобус, поднимаем руки, выбегаем навстречу, кричим, останавливаем. Затем врываемся в салон, проверяем, нет ли ребенка. А мальчика там нет! Будто улетел на небеса.

Время уже перевалило за полночь. Страх полностью сковал нас. Надо было видеть наши испуганные лица. «Что теперь делать?», – начали мы терять надежду. В это время показался тусклый свет автобусных фар.

– Этот! Этот! – закричал Даутали, узнав нужный нам автобус. В салоне трясущегося автобуса не было ни одного пассажира. Сынишка Даутали мирно посапывал на том же месте, где мы его оставили. Никто его, похоже, не беспокоил. Главное – мальчик нашелся. Не было в эту ночь людей, счастливее нас!

– «Обмоем» нашего мальчика! – предложил Даутали. Радостные, мы вернулись домой. Сразу же повеселела Фарида женгей. Приветливость, радушие вмиг вернулись к ней после такого стресса. Тогда мы решили «обмыть» найденного сына.

– Мама Фазыловна, – сказал Даукен голосом ее детей, – нам для смазки внутренностей принеси-ка два сырых яйца. Выпьем.

Даутали, подмигнув и показывая мне свои движения, взял одно яйцо, иголкой с продолговатых его сторон сделал две незаметных дырочки. Затем из одной из них высосал все содержимое яйца. Скорлупу вручил мне. Внешне нормальное целое яйцо. Однако внутри пусто. Напоминает быстро надутый шар. С удивлением смотрю на скорлупу.

Поражаюсь случившемуся, поскольку, даже проделав нехитрое отверстие, как можно высосать и белок, и желток? Ведь внутри яйца не вода, а густая масса? Что за колдовство? Он, понимая немой вопрос в моем взгляде, лукаво сказал: «Закон физики». После этого он также проделал со вторым яйцом и дал мне его высосать. Затем Дауке прошептал мне: «Понаблюдай за женге, она наивная»!

– Фарида, посмотри, пожалуйста, это яйцо как бы пустое, оно не испортилось? – и протянул ей.

Женгей, взяв яйцо в руки, поболтала его. Но как его можно взболтать, если нет там ни белка, ни желтка? Она ножом сделала небольшую дырку, осторожно разбила яйцо – внутри пусто. Женгей удивлена, понять не может в чем дело. Рассматривает яйцо со всех сторон.

– Такое вижу первый раз, – говорит она.

– На, тогда погляди на это, – предлагает Даукеш. И второе яйцо оказалось пустым после взбалтывания. Женгей в полной растерянности.

– И курицы, стало быть, халтурят? – «возмущается» Даутали.

– Откуда знала, я ведь купила их в магазине. И такое, оказывается, бывает, – сокрушается женгей.

– Это называется аборт, – говорит Дауке.

Мы вдвоем, поперхнувшись смехом, покатались по полу.

ВЫГОВОР

В 1977–1979 годах в газете «Қазақстан пионері» работали Даутали Стамбеков, Тынышбай Рахимов, Бейбит Койшыбаев, Сайлаубай Жубатыров, Мади Айымбетов, Серик Жанабиллов, Мереке Кулкенов, Гульсим Мукушева и другие поэты и прозаики.

В редакцию любили заглядывать многие литераторы, начиная с Утежана. Если добавить к перечисленным лицам нашего руководителя Фаризу Онгарсынову, то наш коллектив воспринимался как небольшой Союз писателей. Фариза апай была строгой, острой на язык. Ее мы боялись. Если даже по телефону отвечаешь «иа», можешь за это получить от нее взбучку: «Почему не говоришь «алло», ты, что, сидишь в собственном доме?». Из-за парня, запоздало открывшего перед нею дверь, нам она высказала: «Ребята, вам, оказывается, не хватает джентльменства!». Мы были готовы провалиться сквозь землю.

Однажды апай спросила: «Кто из вас употребляет спиртное?» Никто из нас не признался, все отрицательно качали головой. Один лишь Даутали сказал: «Если есть, почему не выпить?» и рассмешил нас всех. Апай на некоторых наших летучках заставляла нас читать стихи. Даутали, читая свои прекрасные стихи, нередко декламировал и такие:

«Оголяйся, баба,

И свобода нага!»

– при этом менялся цвет его лица, чертики появлялись в его глазах. Он вдруг замолкал, вытянув руки к небу, заканчивал чтение театрально, артистично. Его затянувшееся ребячество, его шаловливость были органичны, ему к лицу. К тому же Дауке прекрасно пел. Он обладал редким, красивым, с грустными интонациями, высоким голосом. Если бы не стал поэтом, кто знает, возможно, был бы знаменитым певцом?

У него есть прекрасная песня о молодоженах, написанная совместно с Кыдырали Бахтыгереевым, в то время только получившим известность как композитор. Даутали замечательно исполнял ее. Иногда, выйдя в центр, вдохновенно затягивал мелодичную песню «Дударай». Если он пел в ресторане, то при таких словах песни – «Русские и казахи состязаются за твое место», он показывал на незнакомого за соседним столом русского, а потом на казаха. Все это, конечно, он делал, дабы рассмешить публику.

Даутали часто произносил имя очень талантливого поэта из Кызылараы Серика Аксункарулы. И Дауке везде пропагандировал его стихи. Я был свидетелем, когда он размещал стихи Серика в газетах и журналах. О том, что у Аксункарулы есть поэма «Клеопатра», я впервые узнал также от Даутали.

Однажды мне поручили заранее подготовить номер газеты, посвященной Дню победы. Однако накануне 1 Мая я уехал домой, по делам задержался в ауле и приехал на работу на три дня позже. В то время Фариза апай перешла на другую работу, а обязанности главного редактора временно исполнял ответственный секретарь Бейсенбай Сулейменов. Но играющего с нами в преферанс чуть ли не каждый вечер Бейсенбая – коллегу с мягким характером – ровесники и журналисты старше его по возрасту не особо слушались.

В день моего возвращения Бейсенбай провел собрание. На повестке дня: Трудовая дисциплина Стамбекова и Есдаулетова. А дело было так. После праздника Бейсенбай вызвал Даутали:

– Улугбек задерживается. Поэтому ты отвечаешь за подготовку материалов ко Дню победы, – перепоручил он Даутали задание, данное мне.

– Хорошо, – согласился Даукеш. Однако, встретив сокурсников, вернувшихся из аула, оказывается, загулял, забыв о поручении. Мое возвращение совпало с тем, когда в редакции все «горело, пылало», поскольку не было нужных материалов к важной дате. Опоздавший на работу, я сразу согласился с обвинениями в свой адрес. А Даутали повел себя по-другому:

– Бейсенбай, ты в своем уме? Ведь Улугбек признал свою вину. Причем тут я? – начал он пререкаться.

– И Стамбекову было дано такое же поручение. Он не выполнил. Где он шлялся, не знаю. Поэтому объявить строгий выговор с занесением в личную карточку Есдаулетову и Стамбекову, – заключил Сулейменов. И такая резолюция была принята. Я сижу, довольный тем, что не выгнали с работы. А Даутали все не угомонится:

– Почему мне на ровном месте объявляешь выговор?! Это не правильно! Улугбеку объявляешь – объявляй. Мне не надо! – гневно продолжил он. Разгорячился и Бейсенбай:

– Стамбеков, ты не спорь. Что ни говори, тебе объявлен строгий выговор. Слышишь? Тебе дали строгий выговор!

И когда при этом Сулейменов начал трясти рукой, разозленный Даутали вскочил с места:

– Объявляй, сколько хочешь, но я не приму твой выговор, – отрезал он.

– Примешь, никуда не денешься!

– Нет!

– Сказал «примешь» – значит, примешь! Заставляю!

– Сказал ведь «не приму» – значит, не приму!

Двое заскандалили, а мы, задыхаясь от смеха, вышли на улицу.

ШКАФ СЕКРЕТАРЯ

1988 год. Меня избрали секретарем правления Союза писателей Казахстана. Даутали, радостно обняв, поздравил.

– Когда будешь «обмывать» свое кресло? – спросил он, улыбаясь.

– Дауке, сейчас у меня собрание, возможно, вечером. Однако он не отстает.

– Тебя на пленуме избрали мы. Ты – наш секретарь, то есть секретарь молодых. Поэтому, если у нас болит голова, то ты в ответе. К примеру, сейчас у меня трещит башка. Ты должен вылечить ее. Это твоя основная обязанность, – не переставал он. Чтобы его успокоить, я полез в карман:

– Дауке, ты сам сходи с кем-нибудь, я не смогу выйти, – уговорил его, дав ему достаточно денег на «лечение». Но, оказывается, я рано радовался. Через некоторое время он с порозовевшим лицом вновь появился в моем кабинете.

– Нет ни одного человека, с кем можно выпить. А один я не одолею поллитровку. Попробуем вдвоем, – сказал Даутали, вытаскивая из-за пазухи початую бутылку водки.

– Ой, Дауке. Сейчас начнется собрание, уже подходят люди. Нельзя мне! Нельзя! Работа! – отказываюсь как могу.

– А, тогда раз приложусь и пойду, – неожиданно легко согласился он. Торопливо налив водку в стакан, находящийся рядом с графином с водой, выпил залпом и закусил кругленьким куртом, найденным им в глубоком кармане брюк. Немного постояв, открыл шкаф у входа и ополовиненную бутылку оставил там.

– Это – твоя доля, – сказал он, – вдруг захочешь выпить.

– Нет, я временно не пью, забери с собой! – почти умоляю его.

– Не хочешь – не пей, я приду и сам выпью. Пусть здесь останется. Не вздумай кого-то угощать. В такую жару буду я носиться с бутылкой? – и он покинул кабинет.

В один из дней он появился неожиданно, спросив у меня:

– Никто не трогал? – Затем налил свою порцию, залпом опрокинул ее и тут же удалился.

Однажды в кабинете проходила секция уйгурской литературы, обсуждался серьезный вопрос, вдруг открылась дверь, и вошел Даутали. Он молча посмотрел на меня. Большим и указательным пальцами изобразил нечто похожее на стакан, затем указательным пальцем щелкнул по собственному кадыку, открыл шкаф, повернувшись спиной к нам и, выпив, молча удалился. Я сделал вид, что ничего не заметил. Сразу же после его ухода писатель Шаим ака Шаваев с недоумением произнес:

– Что здесь делает Даут?

– Наверное, пришел за какой-то бумагой секции поэзии... – ответил я.

Улугбек ЕСДАУЛЕТ, поэт